

Раздался гонг, возвещающий окончание занятий. Нин Гуйчжу поднялся, попрощался с учениками и вышел из класса. Хотя в полдень он уже проходил через это, сейчас, не увидев у дверей Сюн Цзиньчжоу, он всё равно почувствовал лёгкую пустоту. Впрочем, это ощущение задержалось лишь на мгновение - Нин Гуйчжу направился к уездной управе.

Время окончания занятий почти совпадало с окончанием службы в управе, но там люди часто расходились раньше, если не было дел. Когда Нин Гуйчжу подошёл, у ворот оставались только несколько дежурных приставов.

Увидев его, они удивились:

— Господин Сюн-фулан, вы чего так поздно?

Нин Гуйчжу указал внутрь управы и с улыбкой ответил:

— Мул ведь ещё здесь.

Стражник тут же понял:

— А-а...

И спросил:

— Вы дорогу знаете? Может, дать кого-то проводить?

— Не нужно, Цзиньчжоу уже показывал.

Поблагодарив, Нин Гуйчжу вошёл внутрь. Но сначала он зашёл в комнату отдыха, забрал бамбуковую трубку и только потом направился к конюшне.

Маньтоу сегодня не подвергался обычным приставаниям Сюн Цзиньчжоу и потому с самого утра был беспокойным. Увидев наконец Нин Гуйчжу, он натянул поводья и громко заржал. Почувствовав, что с мулом что-то не так, Нин Гуйчжу быстро подошёл и погладил его между глаз:

— Ну что такое? Заскучал взаперти?

Он сразу развязал повод и вывел Маньтоу из стойла. Оказавшись на свободе рядом со знакомым человеком, мул потянулся, встряхнулся, а потом удивлённо вытянул шею, высматривая кого-то за спиной Нин Гуйчжу.

Только спустя пару секунд Нин Гуйчжу понял: Маньтоу, похоже, ищет Сюн Цзиньчжоу. Он не удержался от улыбки и похлопал мула по шее:

— Теперь ближайшие два дня только мы с тобой. Смотри у меня, не вздумай лениться. Будешь плохо себя вести, лишу булок.

Понял он или нет - неизвестно, но, немного повытягивав шею в поисках второго человека и так никого не дождавшись, Маньтоу довольно быстро успокоился и послушно пошёл рядом с Нин Гуйчжу к выходу из управы.

Едва они вышли за ворота, как мул сам опустился на колени. С бамбуковой трубкой, полной воды после мытья котла, Нин Гуйчжу было неудобно садиться - он пару раз сменил положение, прежде чем устроился на спине Маньтоу. Взяв поводья, он легонько хлопнул мула по шее:

— Ну, поднимайся. Пойдём спокойно, не спеши, понял?

Маньтоу неопределённо фыркнул. Без Сюн Цзиньчжоу, державшего повод рядом, он, поднимаясь, по привычке пару раз качнулся.

Нин Гуйчжу не ожидал этого, испугался и крепче вцепился в поводья:

— Маньтоу!

Услышав голос, мул тут же успокоился. Шаг снова стал ровным, хотя двигался он чуть быстрее обычного. Нин Гуйчжу нервно сжал поводья ещё сильнее. Не стоит думать, что мул низкий. Обычный мул в холке достигает примерно метра тридцати, а их Маньтоу, хоть ещё и не взрослый, уже был выше этого. Из-за широкой спины, сидя на нём, Нин Гуйчжу даже не доставал ногами до земли.

Без защиты и без опыта самостоятельного управления, если мул вдруг понесёт, всё могло закончиться и падением, и столкновением.

Но Сюн Цзиньчжоу, привыкший к верховой езде, видя, как уверенно Нин Гуйчжу держался раньше, даже не подумал, что умению управлять животным тоже нужно учить. Поэтому он рассказал всё... кроме самого важного.

Но, к счастью, Маньтоу всё-таки был послушным... Особенно после того, как ему купили булку. Мул, привыкший долго и вдумчиво пережёвывать любимое угощение, немного сбавил свой восторженный темп. Нин Гуйчжу понемногу успокаивался после недавнего испуга, но в голове уже ломал себе голову: как вообще управлять этим созданием?

Не может же он каждый раз кормить его булкой, когда тот ускоряется - так и до ужасной привычки недалеко.

Нин Гуйчжу страдал.

Когда Маньтоу доел, они как раз вышли за ворота уезда. Лишённый контроля второго человека, мул снова оживился: ему хотелось бежать, куда вздумается, и как вздумается. У Нин Гуйчжу от страха даже кожа на голове натянулась. Он обеими руками тянул поводья, пытаясь, как будто управляет повозкой, просто «развернуть» голову мула обратно.

Маньтоу: «...»

Дорога получилась хаотичной и извилистой. Увидев наконец деревню Сяохэ, Нин Гуйчжу почти с облегчением слез с мула. Маньтоу посмотрел сначала на человека, потом в сторону дома. Увидев, что тот идёт туда с бамбуковой трубкой в руках, он подумал, склонив голову, и лениво пошёл следом, время от времени прихватывая по пути траву.

— Гав! Гав-гав!

Даван и Эрцай со всех ног примчались навстречу. Они крутились вокруг ног Нин Гуйчжу, тёрлись, подпрыгивали, а Эрцай даже поставил лапы ему на колени, бешено виляя хвостом.

Увидев этих двух маленьких ангелов, Нин Гуйчжу присел и погладил их:

— Какие же вы хорошие... Ну что, пойдём домой.

— Гав!

Даван пару раз пробежал вокруг, потом снова гавкнул. Нин Гуйчжу решил, что тот ищет Сюн Цзиньчжоу:

— Цзиньчжоу ушёл по делам. Эти пару дней дома будем только мы.

Поняли они или нет - неизвестно. Собаки ещё несколько раз гавкнули, потом, наигравшись с человеком, переключились на длинноногого мула. И вскоре троица уже всю носилась вместе.

Нин Гуйчжу не стал их останавливать. Дома Сюн Шишань, услышав где-то вдали лай, неуверенно пробормотал, выходя наружу:

— Это вроде Даван и Эрцай?

Сюн Иньин тут же подняла голову и громко заявила:

— Да! И Маньтоу тоже слышно!

Сюн Цзиньпин:

— ...И как ты это вообще услышала?

Он сам различил только собачий лай.

Сюн Иньин посмотрела на него так, будто всё было очевидно:

— Папа, у тебя, наверное, слух плохой. Это же очень легко услышать!

— ...

Тем временем Сюн Шишань уже увидел возвращающегося Нин Гуйчжу. Он поспешил навстречу, вышел за ворота и сразу забрал у него бамбуковую трубку:

— Почему пешком? Разве тебе не говорили, что пока мазь не закончится, далеко ходить нельзя?

— Да там уже почти ничего не осталось, немного пройтись не страшно, — ответил Нин Гуйчжу и пояснил: — Я просто не очень справляюсь с Маньтоу. Когда увидел деревню, решил, что проще дойти самому.

Не справляется с мулом? Сюн Шишань сначала растерялся. Что там вообще можно не контролировать?

Но через пару секунд всё стало на свои места: Чжу-гэр ведь человек учёный, а не деревенский, неудивительно, что с мулом ему трудно.

До дома оставалось всего ничего, и вскоре они уже вошли во двор. Нин Гуйчжу поздоровался с Сюн Цзиньпином и спросил:

— А где мама с невесткой? И Цзиньбо с Чуаньшум тоже не видно.

— Твоя мама пошла за тележкой, — ответил Сюн Шишань.

Сюн Цзиньпин добавил:

— Чуньхуа ушла к родителям с детьми. Думаю, скоро вернутся.

Нин Гуйчжу кивнул, закатывая рукава:

— Тогда я пойду готовить ужин. Мама или невестка говорили, что хотят сегодня есть?

Услышав это, Сюн Цзиньпин сказал:

— Чуньхуа говорила, что хочет тофу.

На самом деле слова Ван Чуньхуа звучали так: «Тофу у Чжу-гэра вкуснее». Они тогда как раз ели принесённые Сюн Цзиньчжоу баоцзы с тофу, а на столе стоял ещё и жареный тофу. До баоцзы он казался вкусным, но после них стал совсем обычным.

Сейчас, раз уж Нин Гуйчжу сам вызвался готовить, Сюн Цзиньпин и пересказал это напрямую. Нин Гуйчжу немного подумал:

— Тогда, старший брат, сходи на задний двор... нет, лучше я сам.

Услышав это, Сюн Цзиньпин сразу сказал:

— Что принести? Я схожу.

Нин Гуйчжу задумчиво вспоминал:

— Мясо и сычуаньский перец. Мясо увидишь сразу, как откроешь шкаф. А перец... кажется, стоит слева на верхней полке, в банке. Откроешь - там такие колючие сушёные ягоды, возьми горсть.

Подумав, он понял, что в доме всё равно нет ничего похожего на сычуаньский перец, так что перепутать будет трудно, и спокойно отправил его.

Сюн Цзиньпин кивнул и ушёл к заднему дому. Сам Нин Гуйчжу тоже не сидел без дела. Немного передохнув, он поднялся и начал готовить. Посоветовавшись с Сюн Шишанем, он решил, что на ужин будут грубые паровые булки.

Вообще-то к мапо-тофу лучше всего подходит рис. Но рис для семьи всё ещё казался слишком роскошным, и Нин Гуйчжу боялся, что они будут жалеть потраченный рис и не смогут спокойно наслаждаться едой.

Он поставил в пароварку булки, а в маленьком котле рядом вскипятил воду и занялся зеленью. Зелень перебрали и тщательно вымыли, а подпорченные листья отложили - позже их можно будет отдать птице.

— Чжу-гер, ты уже вернулся? — Лю Цюхун вошла во двор, увидела его за мытьём зелени и, поставив корзину, подошла ближе.

— Только недавно.

— А-а, — Лю Цюхун заглянула на кухню и заметила булки. — Сегодня грубые булки?

В них муки из злаков было много, так что жалеть белую муку не приходилось. Но её всё же удивило, что Нин Гуйчжу вдруг решил приготовить именно это, ведь Сюн Цзиньчжоу как-то говорил, что Чжу-гер не слишком любит грубые булки. Если бы не постоянные жалобы сына, Лю Цюхун, может, и не варила бы каждый вечер кашу.

Сам Нин Гуйчжу, конечно, и не подозревал, сколько скрытых размышлений стоит за их ежедневной едой, и просто ответил:

— Старший брат хотел блюдо с тофу. Я подумал приготовить мапо-тофу, а с кашей есть его не так удобно.

— А-а... — Лю Цюхун пробормотала: — Название у блюда странное.

Прямо как имя человека.

Нин Гуйчжу улыбнулся, продолжая мыть зелень:

— Говорят, женщину, которая придумала это блюдо, звали Мапо. Оно стало известным, и имя так и осталось в названии.

— Что осталось в названии? — Ван Чуньхуа вошла с детьми. Пока Цзиньбо и Чуаньшуй здоровались с бабушкой и дядей, она на ходу спросила.

Лю Цюхун тут же пересказала историю. Ван Чуньхуа расхохоталась:

— Тогда блюда Чжу-гера тоже вкусные! Значит, когда прославятся, будут называться «жаркое Гуйчжу»?

Нин Гуйчжу не выдержал и рассмеялся.

Разговор за разговором, а продукты для мапо-тофу уже принесли. Сюн Цзиньпин внёс в кухню мясо и сычуаньский перец, положил всё и снова вышел. Мать и жена были здесь - его помощь уже не требовалась.

Вымытую зелень ошпарили кипятком и заправили, оставив в сторону. Нин Гуйчжу тем временем начал готовить мапо-тофу: мелко порубил мясо, нарезал тофу кубиками, приготовил соевый соус, молотый перец чили, сычуаньский перец, соль, немного сахара и отдельно развёл в воде муку.

— Сколько всего надо... — Лю Цюхун и Ван Чуньхуа наблюдали с искренним удивлением. — Интересно, как эта самая Мапо вообще до такого додумалась.

Нин Гуйчжу усмехнулся:

— Это ещё не всё. Невестка, сходи, пожалуйста, за зелёным луком - нарежем мелко и оставим на потом.

— Не-ет, это не мне! — Ван Чуньхуа так увлеклась, что уходить совсем не хотела. Она выглянула во двор и крикнула: — Цзиньпин! Сходи за луком, помой и мелко нарежь!

— Хорошо! — донеслось снаружи.

В маленьком котле снова грелась вода. Нин Гуйчжу добавил туда немного соли и опустил нарезанный тофу. Пока он работал, объяснял:

— Это нужно, чтобы убрать бобовый привкус. И потом тофу станет крепче, меньше будет крошиться.

Ошпаренный тофу вынули, воду слили. Когда сковорода просохла, в неё налили масло и бросили мясной фарш. Во время жарки по очереди добавлялись соевый соус, сычуаньский перец и чили. Когда пошёл аромат, Нин Гуйчжу влил немного воды, довёл до кипения и опустил туда тофу. Затем добавил соль и сахар, попробовал, а после, в зависимости от густоты, влил разведённую муку.

Ван Чуньхуа не выдержала:

— Чжу-гер, а эта вода с мукой зачем?

— Чтобы соус стал гуще. Тогда тофу будет нежнее и лучше пропитается вкусом, — объяснил Нин Гуйчжу.

Запах мапо-тофу становился всё насыщеннее, так что у всех вокруг уже урчало в животе. Убедившись, что всё готово, Нин Гуйчжу влил последнюю порцию мучной воды и поднял взгляд, как раз увидев, что рядом уже лежит мелко нарезанный зелёный лук.

Нин Гуйчжу высыпал зелёный лук в сковороду и быстро перемешал - от жара лук сразу

выпустил аромат. Блюдо отправилось на стол.

— Как вкусно пахнет! — Сюн Иньин стояла, вцепившись руками в край стола, и жадно смотрела на еду. Проходивший мимо Сюн Цзиньпин подхватил дочку на руки:

— Иди руки мой. Помоешь, тогда и поешь.

— Хорошо...

Сюн Иньин перенесли к колодцу, мама помогла ей вымыть руки и лицо, а потом два старших брата, взяв её с двух сторон, потащили обратно в комнату, где они уже нетерпеливо ждали ужина. Сюн Шишаня тоже позвали с работы, и когда вся семья расселась по местам, наконец можно было начинать.

Ван Чуньхуа разложила немного мапо-тофу детям, а когда снова села, Сюн Цзиньпин уже успел приготовить ей порцию. Нин Гуйчжу случайно заметил их тихую заботу друг о друге и невольно моргнул. Раньше он не думал, что эти маленькие жесты между Сюн Цзиньпином и Ван Чуньхуа выглядят так... тепло. Он только успел подумать об этом и неожиданно поймал себя на том, что скучает по Сюн Цзиньчжоу.

Впрочем, это чувство быстро растаяло, стоило попробовать нежный мапо-тофу.

Мапо-тофу оказался настолько вкусным, что даже грубые паровые булочки рядом с ним казались настоящим лакомством. К тому моменту, как все поднялись из-за стола, каждый чувствовал приятную тяжесть от переедания.

Нин Гуйчжу ещё немного посидел, а потом поднялся и взял бамбуковую трубку:

— Тогда я пойду на задний двор. Старший брат потом придёт учиться плетению или сегодня продолжим с тофу?

— Лучше ещё тофу, — ответила Лю Цюхун.

В деревне хватало людей, которые только и ждали повода посплетничать. Если Сюн Цзиньпин начнёт ходить к нему учиться плетению, обязательно найдутся те, кто начнёт распускать неприятные слухи. Даже если мало кто в это поверит, всё равно будет неприятно слушать.

Нин Гуйчжу было всё равно, чему учить, и он просто уточнил:

— Тогда у вас хватит готового тофу?

— Хватит, хватит, — заверила Ван Чуньхуа. — Сегодня много получилось.

Она даже специально ходила к родным - отвезти им попробовать тофу. Не только своим: Лю Цюхун уже раздала его и своей родне, и соседям из рода Сюн.

Услышав это, Нин Гуйчжу успокоился. Он вышел со двора и позвал мула, который неподалёку щипал траву:

— Маньтоу, домой.

Услышав голос, мул сразу потрусил за ним. Они сделали всего несколько шагов, когда из двора навстречу выбежали две собаки.

Нин Гуйчжу погладил их по головам:

— Какие же вы умницы.

От похвалы хвосты у щенков закрутились так быстро, что сразу стало видно - они счастливы.

Вернувшись домой, Нин Гуйчжу первым делом приготовил еду для трёх питомцев - не хотелось, чтобы Лю Цюхун и остальные снова начали жалеть грубые булки, которыми он их кормил. Потом он загнал кур и уток в клетки, и как раз в это время семья Сюн пришла с тофу.

Глядя на их шумную, оживлённую компанию, Нин Гуйчжу сам невольно улыбнулся. Сегодня он собирался научить их делать два вида продуктов: сушёный тофу и жареные «пузыри» из тофу.

Первый обычно вымачивали в ароматном рассоле, но специи стоили дорого, поэтому Нин Гуйчжу решил показать способ с солёной водой и сушкой. Вкус, конечно, получался чуть проще, чем у пряного варианта, зато ингредиенты были дешёвые.

Со вторым всё было проще - обычная жарка во фритюре. Масло после этого всё равно можно использовать для готовки, так что и это вполне подходило для деревенского быта.

В таких делах семья Сюн полностью полагалась на Нин Гуйчжу: что скажет, то и делали. Во дворе кипела работа и смех.

А в это время где-то далеко Сюн Цзиньчжоу, глядя на перегородивших дорогу разбойников, цокнул языком и спросил у подчинённого:

— У меня что, репутация смягчилась?

— ...А разве это плохо?

Надо признать: после того как у Сюн Цзиньчжоу появился супруг, отношение к нему у людей менялось удивительно быстро. Слухов о том, что за него «невозможно выйти замуж», становилось всё меньше, а некоторые семьи, раньше отказывавшиеся даже обсуждать сватовство, теперь жалели об этом.

Сюн Цзиньчжоу посмотрел на людей перед собой, перевёл взгляд на меч и, спрыгивая с лошади, спокойно сказал:

— А мне кажется, не очень.

Раз уж теперь кто-то осмеливается перекрывать ему дорогу, значит, однажды могут решить, что и его фулана можно обидеть.

Разбойники увидели, что остальные всадники даже не двинулись, и приободрились. С дубинками наперевес они бросились вперёд... И уже через несколько вдохов лежали на земле, завывая от боли.

Сюн Цзиньчжоу даже не стал обнажать клинок. Он прижал одного из разбойников ногой к земле, присел и похлопал его по щеке:

— С такими-то способностями... кто вообще дал тебе смелость грабить в Аньхэ?

Их уездный судья ведь сам когда-то воевал. А в уезд приехал не потому, что больше нечем заняться, а потому что наконец появилось время и деньги заняться юношескими мечтами.

Прижатый к земле разбойник разразился длинной руганью. Сюн Цзиньчжоу не понял ни слова и поднял голову к своим людям:

— Это что за говор такой?

В Аньхэ, под управлением Чанпина, все говорили на официальном языке. Такого невнятного акцента он раньше не слышал.

Остальные приставы тоже ничего не поняли. Но факт оставался фактом: перед ними люди, которые, увидев форму стражников, всё равно решились напасть. Либо они специально охотились на них, либо настолько распустились, что совсем перестали бояться закона.

— Батоу, давайте просто привяжем их к лошадям и потащим дальше, — предложил Ма Ван.

— Ладно.

Верёвки у них с собой, конечно, были. Разбойников связали, приставы снова сели в седла и повели пленников за собой. К счастью, до нужного города оставалось недалеко. Приставы не были любителями издевательств, поэтому к закату спокойно добрались до места.

У уездного управления в каждом городе имелся небольшой двор для остановки - собственность уездного судьи Чэня. Разбойников заперли в пустом сарае, после чего кто-то занялся хозяйством, кто-то пошёл покупать ужин. Никто особенно о пленниках не думал.

Переночевав, они оставили двух человек охранять разбойников, а сами с утра расклеили объявления в посёлке. Полчаса объясняли людям новый указ и, убедившись, что его услышало достаточно народу, отправились дальше по деревням.

В прежней династии роскошь и культ учёности процветали, а женщин и геров жёстко ограничивали. После войны многое стало легче, но людей, не считавших женщин и геров за людей, всё ещё хватало. Стоило приставам начать читать указ, сразу послышались ругательства и грязные насмешки.

Сюн Цзиньчжоу обычно не обращал внимания на подобных людей. Их дело - донести указ, а не перевоспитывать всех подряд. Но в какой-то момент взгляд его случайно скользнул за спину одного из ругающихся мужчин, и он увидел гера. Очень худого. С огромными глазами. Совсем безжизненного.□□

У Сюн Цзиньчжоу вдруг мелькнула мысль: а если бы Чжу-гер попал не к тем людям... стал бы он таким же?

А если... Это была бы Иньин? Или когда-нибудь у них с Чжу-гером появится ребёнок, и тот встретит какого-нибудь подонка?

Мысль мелькнула всего на миг, но настроение у него резко испортилось. В этот момент мужчина, которого уговаривал стоящий рядом гер, вдруг раздражённо замахнулся на него.

Сюн Цзиньчжоу шагнул вперёд, перехватил руку и с размаху влепил ему пощёчину.

— Бесплезная дрянь! Указ самого императора зачитали, а ты тут пасть разеваешь? Что, в мятежники собрался?!

Тот от неожиданности пошатнулся. Гнев уже начал подниматься, но стоило услышать слово «мятежник», и он сразу протрезвел.

— Н-нет, ничего такого! Господин Сюн, вы уж слишком... Я просто своего гера воспитываю, какое вам до этого дело?..

Он заикался, торопливо оправдываясь.

Сюн Цзиньчжоу посмотрел на него сверху вниз:

— Как это какое? Теперь за избиение жены или гера закон карает. Хочешь сорок палок? Или ссылку?

Вообще-то Сюн Цзиньчжоу специально перегнул. Потому что до закона всегда существовало правило: «если народ не жалуется, власти не вмешиваются». Но кто здесь станет разбираться в тонкостях? Перед ним крестьяне, которым и без того каждый день приходится думать только о еде и одежде, тут не до юридических нюансов.

Мужчина сразу рухнул на колени и начал отчаянно просить пощады.

Сюн Цзиньчжоу успел почувствовать удовлетворение... но тут заметил, что стоящий рядом гер тоже поспешно опускается на колени. В груди у него снова всё сжалось, и он рявкнул:

— Ты-то чего падаешь?! Я с ним разговариваю, тебя это вообще не касается!

Гер застыл на месте, испуганный и совершенно растерянный.

Сюн Цзиньчжоу больше не стал обращать на него внимания. Вернулся к объявлению и, пока его люди продолжали зачитывать указ, рассеянно скользил взглядом по толпе.

После его выходки деревенские явно присмирели. Что бы они ни думали на самом деле, вслух теперь все дружно повторяли, что император - добрый человек.□□

<http://bllate.org/book/14958/1638563>